

— Это невозможно!

Вдовствующая императрица с силой ударила ладонью по столу. Голос её звучал необычайно свирепо.

Имперский лекарь, распростёртый ниц перед ней, с трудом выговорил:

— Ваше Величество, я осматривал Фэй Чжан несколько раз. У неё... действительно признаки угрозы выкидыша.

Угроза выкидыша означала, что Фэй Чжан беременна.

За всё время правления нового императора отбор наложниц проводился лишь дважды. Остальных красавиц присылали ко двору со всех земель или преподносили в дар принцы. Император Цзинъюань не проявлял к ним интереса, но принимал всех, расселяя по гарему.

Фэй Чжан была одной из тех, кого выбрала сама вдовствующая императрица во время первого отбора. Её происхождение было известно государыне до мельчайших подробностей. Казалось бы, новость о том, что наложница из благородной семьи носит под сердцем дитя дракона, должна была обрадовать её. Почему же реакция была столь бурной?

Имперский лекарь Цюй, поставивший этот диагноз, был искренне озадачен.

Четверть часа назад его срочно вызвали во дворец Шоукан. Сегодня было его дежурство, и послушаться он не мог. По пути он успел выяснить, что недомогание почувствовала Фэй Чжан. Лекарю уже доводилось бывать в её покоях, и он знал, что госпожа эта нрава довольно мягкого, что его несколько успокоило.

«Наверное, из-за утреннего происшествия в саду», — подумал он.

Прибыв во дворец после полудня, Цюй обнаружил, что в Императорской медицинской академии нет ни одного дежурного лекаря. Оставшийся евнух объяснил, что рано утром в императорском саду одна из наложниц оступилась и, падая, увлекла за собой ещё нескольких. Они свалились в кучу, словно мешки с рисом.

Разбитые головы, синяки, потерявшие сознание — вся академия была на ногах. Цюй уже было обрадовался, что его это миновало, но нет, после обеда работа нашла его сама.

Когда он прибыл во дворец Шоукан, там, помимо вдовствующей императрицы и Фэй Чжан, находились также Гуйфэй и Фэй Дэ.

Фэй Чжан, бледная как полотно, лежала на кровати, покрытая испариной и дрожа всем телом. Подойдя ближе, лекарь уловил слабый запах крови.

Кровь?

Одного взгляда на её лицо хватило, чтобы он всё понял. Прощупав пульс и дав ей пилюлю для сохранения плода, он дождался, пока состояние наложницы стабилизируется, и окончательно уверился в своей догадке.

У Фэй Чжан были все признаки угрозы выкидыша!

Это же великая радость!

За столько лет в гареме не родилось ни одного наследника. Ребёнок, которого носила Фэй Чжан, мог стать первым.

К несчастью, утреннее падение, видимо, пошатнуло плод, и теперь ей придётся провести в постели несколько месяцев.

Когда вдовствующая императрица задала вопрос, лекарь Цюй всё так и изложил.

Кто же мог предвидеть, что её реакция будет прямо противоположной радости? Лицо государыни исказилось от изумления, а в глазах вспыхнул гнев.

Конечно, она не могла радоваться.

Откуда у Цзиньюаня могли быть дети!

Она прекрасно помнила, как его родная мать, покойная императрица Цышэн, своими руками дала ему яд!

Назывался он «Песнь скорби».

Прекрасное название для смертоносной отравы. Если дать его ребёнку в большой дозе, он умрёт в страшных мучениях.

Если же выживет, яд проникнет в костный мозг, вызывая приступы леденящего холода. Тело такого человека будет холоднее, чем у других, жизнь его будет коротка, и он не сможет иметь детей.

Но если этот ребёнок не от Цзиньюаня, то от кого?

Лицо вдовствующей императрицы помрачнело.

Она метнула взгляд на коленопреклонённого лекаря, поднялась и проследовала в задние покои, чтобы лично увидеть Фэй Чжан.

Гуйфэй и Фэй Дэ последовали за ней, поддерживая под руки.

Вдовствующая императрица присела на край кровати и внимательно посмотрела на наложницу.

Фэй Чжан выглядела лучше. Служанка поила её с ложечки отваром. Увидев государыню, она попыталась сесть, но та остановила её.

— Ты знаешь, что с тобой?

Фэй Чжан растерянно моргнула, словно не понимая, о чём речь. Лекарь Цюй, поставив диагноз, сразу же вышел, не успев ничего ей объяснить.

— Лекарь Цюй говорит, у тебя угроза выкидыша, — с непроницаемым видом произнесла вдовствующая императрица. — Ты носишь дитя уже несколько месяцев и ничего не знала? — Женщина всегда чувствует изменения в своём теле.

Фэй Чжан широко распахнула глаза.

— Я беременна? — она инстинктивно прижала руки к животу, её ресницы затрепетали, а на лице отразилось изумление. — Я... я и не думала, что это... — она не договорила, вспомнив утреннее происшествие. — Ваше Величество, это из-за того, что я утром упала?

Судя по её радостному виду, совесть её была чиста.

Гуйфэй шагнула вперёд и мягко проговорила:

— Милая сестрица, не волнуйся. Лекарь Цюй сказал, что если ты будешь соблюдать покой, дитя можно будет сохранить.

Фэй Чжан торопливо закивала, двигаясь с предельной осторожностью, словно боялась навредить ребёнку.

Вдовствующая императрица ничего подозрительного не заметила и велела снова позвать лекаря.

Когда тот подтвердил свой диагноз, она с улыбкой кивнула.

— Слышала, Фэй Чжан? В ближайшие месяцы — никакого движения. Лежи и отдыхай.

Фэй Чжан счастливо и смущённо опустила голову.

— Ваше Величество, — вмешалась Фэй Дэ, — раз Фэй Чжан беременна, и это первый ребёнок Его Величества, то это великая радость. Об этом следует сообщить императору.

Вдовствующая императрица перевела на неё взгляд. Гнев, уже готовый вспыхнуть, сменился лёгкой усмешкой.

— Фэй Дэ права. Такую радостную весть нужно немедленно доставить во дворец Цяньмин.

Она уже хотела послать гонца, но вспомнила, что придворная дама Ши Лицзюнь находится в соседнем зале. Её позвали и поручили сообщить эту новость.

Ши Лицзюнь потребовалось всё её самообладание, чтобы не выдать своего изумления.

Проводив её взглядом, вдовствующая императрица, казалось, повеселела. Она приказала слугам заботиться о Фэй Чжан, а лекарю Цюю — составить план её дальнейшего лечения. В её поведении не осталось и следа от недавнего гнева, она напоминала заботливую мать.

Гуйфэй и Фэй Дэ, сидя по обе стороны от неё, обсуждали, как поступить дальше.

Это был первый ребёнок в гареме, и неважно, мальчик или девочка, он привлечёт к себе всеобщее внимание. Ведь у императора Цзинъюаня столько лет не было детей.

Вдовствующая императрица не слушала их. Она знала — это не может быть ребёнок императора.

А значит, его происхождение весьма сомнительно.

Для императора это было бы неслыханным оскорблением, публичным унижением, которое не стерпел бы и святой.

Сначала она была в ярости, но теперь решила просто наблюдать со стороны.

...Если император, не зная правды, признает этого ребёнка своим, вот будет потеха.

Одна мысль о том, как Цзинъюань будет растить чужого отпрыска, а потом, спустя годы, узнает об обмане... Ради такого зрелища можно и потерпеть.

Вот почему её настроение так резко изменилось.

Но эта Фэй Чжан...

Она опустила глаза и, подозвав свою придворную даму, тихо отдала ей несколько распоряжений. Та кивнула и бесшумно удалилась.

Гуйфэй заметила это, но Фэй Дэ отвлекла её.

— Сестра Гуйфэй, — неторопливо говорила она, — Фэй Чжан слаба, ей нужен покой. Давайте отложим все празднования до тех пор, пока она не родит наследника.

Гуйфэй с улыбкой кивнула.

— Сестрица Фэй Дэ совершенно права, это я поспешила. Виновата, виновата. — Она говорила с Фэй Дэ подчёркнуто любезно, но та едва скрывала своё отвращение.

Фэй Дэ не любила Гуйфэй. Будучи из рода Хуан, та не имела ни капли гордости. Постоянно лебезила, называя всех то сестрицами, то подругами, и, что хуже всего, наравне с безродными наложницами пыталась добиться расположения императора... При одной мысли о поведении гуйфэй фэй Дэ морщилась.

По какой-то причине, возможно, потому что император ещё не прибыл, никто не спешил объявлять новость во всеуслышание.

Вскоре появился Цзинъюань.

Отношения между вдовствующей императрицей и её приёмным сыном были настолько плохи, что они старались не появляться в одном месте. Число его визитов во дворец Шоукан можно было пересчитать по пальцам.

Придворные часто осуждали императора за непочтительность.

По их мнению, вдовствующая императрица, имея родного сына, не стала чинить препятствий восшествию Цзинъюаня на трон и воспитывала его с должным усердием. Почему же он отвечал ей такой холодной неблагодарностью?

Но этому императору было на всё плевать. Слова цензоров отскакивали от него, как горох от

стены.

Страдала лишь вдовствующая императрица.

Она, впрочем, никогда не упускала случая подогреть слухи о своей горькой доле.

Великая дамба рушится от муравьиной норки, высокое здание сгорает от искры в дымоходе... Цзиньюань, пренебрегая своей репутацией, рано или поздно падёт.

— Приветствуем Ваше Величество!

При появлении Цзиньюаня Гуйфэй и Фэй Дэ поднялись и поклонились. Вдовствующая императрица, не вставая, лишь кивнула ему.

— Император, раз уж ты пришёл, присаживайся. Фэй Чжан нездорова, ей нужен покой.

— Ваше Величество, — неторопливо произнёс Цзиньюань, — я спешил увидеть Фэй Чжан. — На его губах заиграла улыбка. — И моего первого ребёнка.

В его голосе не было радости, лишь странное, болезненное любопытство.

Вдовствующая императрица подняла бровь и, обратившись к придворной даме, встала. Гуйфэй и Фэй Дэ поспешили поддержать её. В окружении свиты она улыбнулась Цзиньюаню.

— Что ж, пойдём.

Толпа снова заполнила внутренние покои, разбудив задремавшую Фэй Чжан.

Она была женщиной с яркой внешностью и в гаремной жизни чувствовала себя довольно свободно. Но, в отличие от робкой Фэй Кан, которую иногда опекала Фэй Дэ, Фэй Чжан держалась особняком.

Служанка помогла ей приподняться и сесть, подложив подушки. При виде Цзиньюаня в её глазах мелькнуло что-то неуловимое, и она с притворной скромностью опустила голову.

— ...Ваше Величество...

— Говорят, ты беременна? — медленно проговорил Цзиньюань.

Фэй Чжан коснулась живота, в её голосе слышалось удивление.

— Да, Ваше Величество, я беременна. — Её взгляд метнулся к императору и снова упал. — Уже больше месяца.

Её слова прозвучали как намёк.

Цзинъюань снова улыбнулся.

С тех пор, как он вошёл во дворец Шоукан, он, казалось, постоянно улыбался. «Неужели он так рад?» — подумала Фэй Дэ.

Но что-то в этом было неправильное.

В этот момент Цзинъюань посмотрел на стоявшего позади него Нин Хунжу.

— Принеси нож.

Он говорил мягко, спокойно, даже с каким-то странным воодушевлением.

Нин Хунжу молча вышел. Вдовствующая императрица и остальные напряглись.

— Император, — многозначительно произнесла она, — это дворец Шоукан, а не твой Цяньмин.
— Не смей устраивать здесь бойню!

Цзинъюань поднял бровь. Он находился во дворце Шоукан, и даже не стал выхватывать меч у стражи — верх приличия и уважения.

— Фэй Чжан носит моего первенца. Будь то сын или дочь, я очень рад, — его улыбка стала шире. — Такое драгоценное дитя... Я хочу увидеть, как он выглядит, пока ещё в утробе.

Фэй Дэ побледнела, поняв его замысел.

Цзинъюань собирался вспороть ей живот!

Гуйфэй, сохраняя самообладание, бросила быстрый взгляд на императора и вдовствующую императрицу. Их лица были непроницаемы. Но Фэй Чжан...

На её лице был написан ужас.

— Ваше Величество, но ведь в ту ночь вы... — её голос дрожал, но под этой дрожью скрывалась странная твёрдость. — Вы ведь были в моих покоях, не так ли?

Она намекала.

Взгляд Цзинъюаня, до этого прикованный к её животу, впервые переместился на её лицо. Словно он только сейчас её увидел.

— Ах, так это была ты, — небрежно бросил он.

Фэй Чжан поступила во дворец много лет назад.

Её выбрали на смотре невест, устроенном вдовствующей императрицей сразу после восшествия Цзинъюаня на трон. С самого начала она знала свою цель — завоевать его благосклонность.

Разве не об этом мечтала каждая женщина в гареме?

Но, то ли Цзинъюаню не нравились избранницы мачехи, то ли он и впрямь был равнодушен к плотским утехам, он редко посещал гарем. Ночь, проведённая им с наложницей, была событием исключительным.

Чтобы удостоиться его взгляда, они были готовы на всё.

На следующий год, после церемонии жертвоприношения Небу, император, в редком порыве интереса, созвал нескольких наложниц и спросил:

— Если бы я дал вам возможность покинуть гарем, кто-нибудь согласился бы?

Почти все ответили отказом.

Зачем уходить?

Они попали сюда, пройдя через огонь и воду. Дома боролись с сёстрами за лучшее положение, на отборе шли по головам, чтобы войти в эти стены. А здесь...

Здесь они получали то, о чём снаружи не могли и мечтать.

Как можно добровольно от этого отказаться?

Одна ночь с императором, рождение наследника — и жизнь обеспечена.

Они знали о его жестокости. Слухи об этом ходили ещё до отбора.

Ну и что?

Он — император!

Таких, как Фэй Чжан, было большинство. Она заметила, что Фэй Кан в тот момент хотела что-то сказать, но промолчала.

Но была одна.

Фэй Чжан отчётливо помнила, что лишь одна из них сказала, что хочет уйти.

Цзинъюань долго смотрел на неё. Все ожидали вспышки гнева, но он лишь равнодушно махнул рукой и велел всем удалиться.

Вскоре Фэй Чжан услышала, что та наложница скоропостижно скончалась.

«Наверное, разгневала императора», — думала она тогда. Но годы спустя, когда образ той женщины уже стёрся из памяти, ей в голову пришла другая мысль.

А что, если...

Что, если она не умерла, а просто покинула дворец другим способом?

«Что за глупости», — усмехнулась Фэй Чжан и отбросила эти мысли.

Наложниц в гареме было не так уж много. Время от времени кто-то становился фавориткой на полгода, а затем снова исчезал в неизвестности.

Фэй Чжан завидовала, но с приходом новых лиц её сердце остывало.

Однажды, не выдержав одиночества, она позвала к себе стражника...

Проведя несколько лет во дворце, она поняла: для Цзинъюаня наложницы были игрушками.

Интересными — он играл с ними некоторое время. Скучными — выбрасывал.

Для выброшенной игрушки это было жестоко.

Она не хотела быть игрушкой. Лучше дождаться старости и стать вдовствующей наложницей.

Её цели изменились.

Интерес к императору пропал.

И жизнь стала спокойнее.

Но, видимо, слишком спокойной. Увлёкшись плотскими утехами, она забыла об осторожности.

Поэтому, когда в конце года Цзиньюань посетил её покои, это вызвало не радость, а ужас.

Она помнила...

В те дни гуйфэй часто бывала во дворце Цяньмин. Возможно, она была слишком навязчива, и император решил сменить обстановку?

Фэй Чжан, охваченная страхом, говорила с ним сбивчиво. Он не пробыл долго и вскоре ушёл.

Она некоторое время жила в напряжении, но, поняв, что это был случайный визит, и император о ней забыл, успокоилась.

Но, видимо, слишком рано.

Когда она опомнилась, она была уже беременна.

От кого — неважно. Важно то, что она не могла родить этого ребёнка. Она-то знала, была у неё близость с императором или нет.

А раз знала она, то насколько велика была вероятность, что император забудет?

В те дни она избегала даже ежемесячных осмотров у лекаря и искала способы избавиться от плода.

...Но не смогла.

Так она тянула до конца года. В новогоднюю ночь она тайно встретила с ним во дворце Сефан.

Она не чувствовала вины за измену. Император отверг их, так почему она должна хранить ему верность?

Но беременность — другое дело.

Правильнее всего было бы прервать её, но в ней проснулась безумная надежда родить этого ребёнка... А это уже было совсем иное.

Он был против.

Они спорили, не замечая приближающихся шагов.

Когда они опомнились, было уже поздно.

Фэй Чжан, закутанная в плащ, встретила взглядом с тёмными глазами.

Впервые в жизни она увидела в этих холодных глазах пламя безумного желания.

Она замерла, глядя, как мужчина скользнул по ней взглядом и, не задержавшись, прошёл мимо, неся на руках кого-то, и скрылся в одной из комнат дворца Сефан.

— Это... был Его Величество? — дрожащий мужской голос вывел её из оцепенения.

Цзинъюань!

Тот, кто прошёл мимо, был император!

Того, кого он нёс на руках, в темноте было не разглядеть, но она заметила его сапоги.

Мужские.

Фасон был очень знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела.

Встреча с императором была настолько ужасающей, что она, не раздумывая, бросилась обратно в свои покои и в страхе ждала расследования.

Но прошёл день, два, три...

Никаких вестей.

Она с удивлением поняла, что императору... всё равно.

Даже если в ту ночь он не разглядел их лиц, при желании он мог бы всё выяснить.

Но не было ни расследования, ни допросов. Слово ничего не случилось.

Проведя полмесяца в ужасе, Фэй Чжан наконец успокоилась.

...Цзинъюаню всё равно, и это хорошо.

Она это знала.

Но вместе с тем в её душе росло недовольство, глухое раздражение.

Она не понимала его причину до того самого дня.

Проснувшись после обеда, она полулежала на кушетке и ела сладкий суп. В последнее время у неё не было аппетита, и только сладкое шло в горло.

В этот момент её главный евнух принёс вести из дома.

Она, поддерживаемая служанкой, села, и её взгляд случайно упал на его сапоги. Она замерла.

Внезапно её осенило.

В ту ночь Цзинъюань нёс на руках евнуха!

Волна тошноты подкатила к горлу, и её вырвало. Весь дворец переполошился.

Те, кто знал её тайну, — две её главные служанки, — видя, как ей плохо, хотели позвать лекаря, но она, задыхаясь, остановила их:

— Не смейте!

Её голос был пронзительным, она и сама испугалась.

Когда всё убрали, она, бледная, откинулась на подушки, прижимая руку к груди.

...подавляя не проходящую тошноту.

Евнух... это был евнух...

В её душе бушевали гнев и досада. Столько женщин в гареме, и все они... проиграли какому-то проклятому евнуху!

Она никогда не видела на лице Цзинъюаня сложных эмоций. Он был словно ледяная статуя, его врождённая властность подавляла.

Но в ту ночь...

То всепоглощающее чувство, что отразилось на лице императора, могло растопить самый крепкий лёд. Эта волна желания ошеломила её, и она не сразу поняла, что происходит.

Цзинъюань тоже был человеком.

Она отчётливо это осознала.

И растопил его евнух.

Странные чувства разрывали её душу. Она гладила живот, и на её лице отражались сомнение и неудовлетворённое желание — жадность, которую она сама не осознавала.

Тогда она ещё не понимала, чего хочет на самом деле. До сегодняшнего утра, когда она отправилась в императорский сад на весеннюю прогулку.

В этом дворце можно было бороться лишь за благосклонность императора. Кроме этого, оставались лишь редкие, поверхностные знакомства, которые поддерживались такими вот приглашениями.

Начало весны, в саду распустились цветы.

Фэй Чжан слушала болтовню наложниц, чувствуя скуку. Она уже собиралась уходить, когда услышала завистливый голос Мэйжэнь Лю:

— Уж не знаю, как это удалось Гуйфэй... Теперь даже Фэй Дэ вынуждена уступать, это же надо...

— Что ты такое говоришь? Она ведь из рода Хуан.

— Ну и что, что из рода Хуан? Разве в этом гареме мало знатных девиц? — Мэйжэнь Лю погладила свой живот. — Не хватает той, что родит наследника!

— Это так, но Его Величество никогда не стремился к этому...

— Ха, если сейчас кто-то станет первой, боюсь, всё изменится.

Другая наложница, Бинь Цзян, с добрым лицом, покачала головой и вздохнула:

— Нас всех выбрала вдовствующая императрица. Его Величеству... мы, наверное, не нравимся.

При этих словах остальные замолчали.

Дальнейшие разговоры были опасны.

Некоторые мысли можно было держать в голове, но произносить их вслух — никогда.

Та, что проговорила, тоже поняла свою ошибку и замолчала.

Тишину нарушила Фэй Чжан, небрежно бросив:

— А если... у Его Величества есть возлюбленный?

Мэйжэнь Лю, видимо, не любившая тишину, тут же подхватила, прикрыв рот рукой:

— Как такое возможно? Наш император так холоден и бесстрастен. Не могу представить, чтобы он кого-то любил.

Цзеюй Сюй тихо добавила:

— Вдовствующая императрица недавно проводила расследование в гареме... Я думала, для наведения порядка, но потом услышала кое-что. — Видя, что все слушают, она продолжила. — Кажется, государыня сделала это из-за Его Величества. Чтобы... во всём разобраться.

Она говорила туманно, и остальные ничего не поняли.

Лишь Фэй Чжан мгновенно уловила смысл.

Вот оно что!

...Но знала ли вдовствующая императрица, что Цзинъюань любит не женщин, а мужчин?

Эта мысль зародила в её голове безумный план. А что, если...

Пока она размышляла, наложницы начали расходиться. Фэй Чжан, рассеянная, оступилась на ступеньках и врезалась в толпу.

— Ай!

— Ах!

— Больно...

Раздались крики, несколько женщин упали.

Все они были изнеженными господами, не привыкшими к боли. К тому времени, как прибыли лекари, картина была не из приятных.

Но фэй Чжан была здесь самой высокопоставленной.

Остальные, как бы ни были недовольны, молчали и позволили лекарям осмотреть себя.

Лишь фэй Чжан.

Когда лекарь хотел прощупать её пульс, она не позволила, сказав, что ушибла ногу, и велела лечить только ногу.

Лекарь был бессилен.

К счастью, это был лишь ушиб.

Но, вернувшись в свои покои, Фэй Чжан почувствовала себя хуже. Низ живота тянуло. Она побледнела, поняв, что падение потревожило плод.

И тут её вызвали во дворец Шоукан. Времени придумать оправдание не было.

...И тот безумный план, что зародился в саду, снова всплыл в её сознании.

Тревога, обида, тошнота, гнев...

Все эти чувства смешались, толкая её на самый отчаянный поступок в её жизни.

Раз уж император терпит тайные свидания в гареме, то...

Что, если пойти дальше?

Фэй Дэ уже отчётливо чувствовала неладное.

Вдовствующая императрица явно наслаждалась представлением, Гуйфэй молчала, Фэй Чжан бледнела с каждой секундой, а Цзиньюань...

Цзиньюань улыбался.

— Ах, так это была ты.

Сказав это, он с любопытством оглядел Фэй Чжан, словно никогда раньше её не замечал.

В этот момент бесшумно появился Нин Хунжу и подал ему нож.

Бог знает, как ему удалось пронести его во дворец Шоукан.

Лицо вдовствующей императрицы потемнело. Она посмотрела на Фэй Чжан и спокойно произнесла:

— Император, Фэй Чжан беременна. Нельзя размахивать оружием перед ребёнком.

По её знаку несколько слуг встали перед императором.

Цзиньюань провёл пальцем по лезвию и нахмурился.

— Туповат, — сказал он. — Но сойдёт.

Фэй Чжан, казалось, испугалась его слов и забилась вглубь кровати.

— Ваше Величество, что вы хотите сделать?

Цзинъюань удивлённо поднял бровь.

— Фэй Чжан, что же ты в свои годы уже памятью страдаешь? Я же сказал, хочу лично увидеть, как выглядит ребёнок.

— Ваше Величество, когда ребёнок родится, вы его увидите. Не нужно так... торопиться, — выпалила она.

Её взгляд метнулся к вдовствующей императрице, голос стал глухим.

— Ведь в ту лунную ночь вы говорили не так.

Раз уж дошло до этого, она была готова на всё. Неужели император не боится, что она всё расскажет?

Если вдовствующая императрица узнает, она этого так не оставит.

Она знала — государыня ненавидит Цзинъюаня.

Несмотря на его слова, она не верила, что он осмелится что-то сделать во дворце Шоукан.

Это ведь покои вдовствующей императрицы!

Разве не так спаслась в своё время Бинь Сюй, укрывшись здесь?

Она так думала. И вдовствующая императрица думала так же.

В покоях воцарилась тишина.

После её слов атмосфера стала странной, гнетущей.

Все инстинктивно посмотрели на Цзинъюаня.

Он неторопливо шёл к кровати. Шаги его были лёгкими, но каждый отдавался в сердце тяжёлым, зловещим ударом.

Безмолвное давление нарастало, казалось, он может проломить пол.

Фэй Чжан задыхалась.

Она хотела что-то сказать, но с ужасом поняла, что горло словно свело.

— Я действительно пожалел, — услышала она ледяной голос, скребущий по костям. — Нужно было сначала вырвать тебе глаза.

— Эх...

Тяжёлый вздох заставил Гушэна, зубрившего книгу, подпрыгнуть. Что это Цзинчжэ с утра так вздыхает?

Цзинчжэ убрал метлу и принялся загибать пальцы.

Но как он ни считал, выходило, что сегодня снова двадцать пятое число.

Время летит слишком быстро.

Он потянулся, стоя на веранде, и задумался: стоит ли сегодня выходить?

Если он встретит Жун Цзю... что ему сказать?

Постойте, он же сказал, что ему нужно побыть одному. А что, если Жун Цзю не придёт?

Может, сначала зайти в управление по закупкам к Чжэн Хуну?

Мысли роились в его голове, но он, не мешкая, налил себе большой стакан воды и принялся жадно пить.

В этот момент в комнату влетел Шиэнь, толкнув внутрь Гушэна.

Дверь захлопнулась, заперев их всех — и Хуэйпина с Цзинчжэ — внутри.

Цзинчжэ едва не поперхнулся.

— Куда так спешить? Опять что-то случилось?

Утром они убрали в западном дворце и вернулись уставшие. Если бы появилось новое дело, он бы знал.

— Вы слышали? — задыхаясь, проговорил Шиэнь. — Вчера во дворце Шоукан император убил человека!

— Что?! — вскрикнул Гушэн и тут же зажал себе рот.

О том, что отношения между Цзинъюанем и вдовствующей императрицей плохие, знали все. Но как бы то ни было, приличия они соблюдали.

Император, хоть и скрепя сердце, оказывал мачехе должное уважение.

— Хотя запрет посещать дворец Цынин был величайшим унижением.

Но убить человека во дворце Шоукан?

Даже для безумного Цзинъюаня это было слишком.

— Кого убили? И за что? — осторожно спросил Цзинчжэ.

На лице Шиэня застыл ужас.

— Фэй Чжан.

— Фэй Чжан? — Хуэйпин тоже изменился в лице. — Но как... она же из рода Чжан!

Род Чжан был одним из великих.

Хоть и не таким влиятельным, как Ван, Цуй или Шэнь, но всё же известным.

Если Цзинъюань убьёт наложницу без причины, даже он, император, столкнётся с осуждением чиновников.

— Если бы я всё знал, меня бы уже в живых не было, — горько усмехнулся Шиэнь.

— Откуда ты узнал? — нахмурился Цзинчжэ.

У Шиэня было много знакомых, и его сведения всегда были точнее. Но от источника зависела и достоверность.

— От людей с Императорской кухни. Утром из покоев фэй Чжан никто не пришёл за едой, так и

узнали.

Цзинчжэ допил воду.

— Это дело вызовет большой переполох. Хотя нас оно и не касается, но если начнут разбираться, может и нам достаться. Будьте осторожны, не говорите лишнего.

Раз новость о вчерашнем происшествии дошла до дворцов только сегодня утром, значит, её пытались скрыть.

Шиэнь и остальные закивали. Для этого он и прибежал.

Цзинчжэ посмотрел на небо — скоро нужно было идти отмечаться к Цзян Цзиньмину. Он попрощался и поспешил к нему.

Сегодня Цзян Цзиньмин был мрачнее тучи.

— Сейчас пойдёшь и выберешь людей, — хмуро велел он Цзинчжэ. — Осторожных и неболтливых. Пойдёте со мной.

Цзинчжэ сразу понял, что это связано с рассказом Шиэня.

Он молча вышел и выбрал людей. Ни Шиэнь, ни Гушэн в их число не попали.

Они умели хранить тайны, но Цзян Цзиньмин знал их нрав и в таком деле доверять им не мог.

Увидев, что Цзинчжэ выбрал самых спокойных и сдержанных, он кивнул.

Вскоре он повёл отряд из шести-семи человек прочь.

Цзинчжэ шёл, опустив голову, не глядя по сторонам и не задавая вопросов. Когда в нос ударил густой запах крови, он закрыл глаза.

Так и есть.

Цзян Цзиньмин привёл их на место кровавой бойни.

Это были покои Фэй Чжан.

Наложница её ранга имела двух главных евнухов, четырёх главных служанок и бесчисленное множество прислуги рангом ниже.

Сейчас же здесь царило запустение и кровь.

Тел уже не было, но следы бойни остались. Кровь, брызнувшая на стены, безмолвно свидетельствовала о вчерашнем ужасе.

— Делайте, что должно, — глухо произнёс Цзян Цзиньмин, — не болтайте, не глазейте. Если что, не говорите, что я не предупреждал!

Цзинчжэ и остальные поклонились.

Они молча убрали до самого заката. Когда солнце скрылось за горизонтом, дворец снова обрёл свой прежний вид, словно с уходом крови исчезла и жестокость.

По пути назад Цзян Цзиньмин снова их предостерег и, раздав каждому награду, отпустил.

Лишь Цзинчжэ остался.

— Цзинчжэ, — с тревогой в голосе сказал он, — в ближайшие дни внимательно следи за управлением по надзору за дворцовыми залами. Если что не так, сразу же сообщай мне.

Цзинчжэ кивнул.

Цзян Цзиньмин сидел, нахмурившись, о чём-то размышляя. Через некоторое время он вздохнул.

— А ты ни о чём не спрашиваешь.

— Конечно, мне любопытно. Но жизнь дороже.

— Если бы все были такими понятливыми, — мрачно произнёс Цзян Цзиньмин. — Ладно, такое дело всё равно не утаишь. — Он откинулся на спинку стула. — Фэй Чжан мертва.

Даже услышав это снова, Цзинчжэ почувствовал страх.

— Это... несчастный случай?

— Зачем притворяться? — усмехнулся Цзян Цзиньмин. — Думаешь, вы зря целый день там

убирали?

Цзинчжэ потёр руку и горько улыбнулся.

— Всё случилось во дворце Шоукан. Она умерла в тот же день, и всю её прислугу вырезали. Говорят, вдовствующая императрица очень, очень недовольна.

Цзинчжэ помолчал. Если это произошло во дворце Шоукан, то она не просто недовольна.

Она в ярости.

Пример дворца Чэнхуань был у всех на виду.

Убив человека в её покоях, Цзинъюань показал, что ни во что её не ставит.

— ...Но ведь Его Величество никогда не интересовался гаремом? — не выдержал Цзинчжэ.

— Кто знает, — горько усмехнулся Цзян Цзиньмин. Эту тайну знали лишь те, кто был там.

Цзинчжэ ушёл, так и не поняв до конца, что произошло.

Но это дело их не касалось. Он потёр ноющую руку и решил зайти в управление по закупкам к Чжэн Хуну.

Несмотря на суматоху, он беспокоился о... Жун Цзю.

Ведь он из личной гвардии императора.

Участвовал ли он во вчерашнем?

Но стоило ему выйти, как он наткнулся на Жун Цзю, неспешно идущего по дворцовой дороге.

Цзинчжэ, который всю дорогу мысленно готовился к встрече, от испуга развернулся и бросился бежать.

...Постойте.

Зачем он бежит?

Это неправильно.

Нужно поздороваться.

Обсудить всё, поговорить.

Повторив это про себя несколько раз, он развернулся и врезался в твёрдую грудь Жун Цзю.

...Который раз?

Это уже который раз!

Цзинчжэ потёр ушибленный нос и напал первым:

— Ты почему ходишь бесшумно!

— Это ты идёшь слишком медленно.

Цзинчжэ окинул взглядом его высокий рост, посмотрел на себя, снова на него и вспыхнул.

— Что толку быть таким высоким? Вот как у меня — в самый раз.

Жун Цзю последовал его примеру и внимательно оглядел его с ног до головы. Когда Цзинчжэ уже готов был сбежать, он медленно кивнул.

— Действительно, в самый раз.

Обнимать очень удобно.

Идеально помещается в руках, каждый изгиб, каждая линия.

Цзинчжэ мгновенно понял, о чём он, и, вспомнив новогоднюю ночь, покраснел до кончиков ушей.

Ещё вчера, даже после разговора с Миньюем, он бы точно сбежал. Но сейчас его волновало другое. Он огляделся и, убедившись, что никого нет, затащил Жун Цзю в тень.

Солнце садилось, алый закат поглощал тускнеющее небо.

— Ты вчера был с Его Величеством во дворце Шоукан?

Жун Цзю прикрыл рот рукой и зевнул.

— Кажется, был, — небрежно ответил он.

— Что значит «кажется»? — Цзинчжэ сердито посмотрел на него и понизил голос. — С тобой... ничего не случилось?

— А что должно было случиться? — в его голосе прозвучало удивление.

— Ох, — Цзинчжэ, не желая тратить время на слова, принялся его ощупывать. Убедившись, что он цел, он вздохнул с облегчением. — Когда два тигра дерутся, больше всего достаётся тем, кто рядом.

Прислуга Фэй Чжан — лучший тому пример!

Жун Цзю, казалось, только сейчас понял его беспокойство. Его тон странно изменился.

— Цзинчжэ, — произнёс он его имя так, словно это был кусочек ароматной сладости, тающей на языке.

Сердце Цзинчжэ странно дрогнуло. Это было неуловимое, обманчивое чувство.

Но он уже знал, что это не обман.

Раньше, рядом с Жун Цзю, он много раз чувствовал это, но всегда игнорировал.

Предчувствие опасности.

Жун Цзю был невероятно опасен.

Он не был похож ни на одного человека, которого Цзинчжэ знал раньше.

Он должен...

Больше доверять своему чутью.

Цзинчжэ поджал губы и, опустив голову, спросил:

— Что?

Жун Цзю медленно приблизился. Его лёгкие шаги создавали странное давление.

Цзинчжэ чувствовал это, но упрямо не отступал.

Если Жун Цзю снова начнёт говорить свои неправильные вещи, вроде «я не виноват и извиняться не буду», он его точно уда...

— Ты боишься меня, — сказал Жун Цзю. В его холодном голосе слышалась усмешка. — Ты ведь знаешь, что я не добрый и не слабый.

Он поднял руку и коснулся щеки Цзинчжэ.

Приблизившись, он окутал его своей холодной, удушающей красотой.

Лёгкое прикосновение вызвало щекотку, и Цзинчжэ захотелось отстраниться... но прохлада его пальцев вернула знакомый озноб.

— Тебе стоит беспокоиться не обо мне.

Да.

Вместо того чтобы беспокоиться о Жун Цзю, Цзинчжэ должен был скорбеть о тех, чья кровь пролилась на землю.

Они ведь были живыми людьми.

— ...Но я их не знаю, — прошептал Цзинчжэ.

Мне не всё равно, что будет с тобой.

И тогда он услышал смех Жун Цзю.

Тихий, со странным вздохом.

— Ты не перестаёшь меня удивлять.

Иногда Жун Цзю хотел разорвать его на части.

Смерть — это истинное обладание. Как его мать, которая всегда пыталась его убить.

Это был настоящий контроль.

Эта жестокость текла в его жилах. Подавляя опасное, безумное желание, он прижался губами к шее Цзинчжэ.

Пульсирующая жизнь, сладкий аромат.

Словно прикасаешься к хрупкому дикому цветку.

Он упрямо цеплялся за жизнь, пустив корни у подножия стены. Каждый его листок был совершенен.

Жалкий и прекрасный.

Невероятно хрупкий, но упрямый.

Впервые в жизни Жун Цзю испытал то, что называют...

Жалостью.

Ему было жаль Цзинчжэ.

Потому что ему на пути встретился такой ненасытный, не знающий меры монстр.

<http://bllate.org/book/16993/1587701>